

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЗДНЕГО ЛИТЕРАТУРОГЕНЕЗА, ИЛИ ДИАЛОГ С ПЕРВЫМ УДМУРТСКИМ УЧЕНЫМ И ПИСАТЕЛЕМ

© **Василий Михайлович ВАНЮШЕВ**

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения
Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела
филологических исследований, e-mail: vvanushev@mail.ru

В краткой, обзорной форме рассматривается триединая проблема, включающая в себя вопросы, во-первых, жизненного пути, многогранности и научно-художественной синкретичности творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя Григория Егоровича Верещагина (1851–1930), характерных и для других основоположников национальных литератур Урало-Поволжья, во-вторых – соотносительности художественного творчества этой личности с историей всемирной литературы, в-третьих – стимулирующей роли разносторонней деятельности первого удмуртского ученого для современных исследователей, вступающих с ним в научный диалог. Проанализированы нелегкие пути развития верещагиноведения, приобретающего все более разносторонний и масштабный характер. Обоснована мысль о том, что отдельные дискуссии, возникавшие по поводу жизнедеятельности первого удмуртского ученого и писателя, помогли уточнить и утвердить в общественном сознании важные факты и понимание сути явлений как в аспектах жизнедеятельности Г.Е. Верещагина, так и в истории национальной литературы. Доказано, что продолжающееся полемическое упорство некоторых авторов статей по поводу национальных корней, «главной должности» Г.Е. Верещагина и принадлежности его перу стихотворения «Чагыр, чагырдыдыке...» – «Сизый, сизый голубочек...» несостоятельно. Плодотворна поддержка диалога современных исследователей с Г.Е. Верещагиным. Итак, изучение жизнедеятельности и творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя актуально поныне как в рамках зарождения и развития национальной литературы, так в аспекте мировой компаративистики. Актуальность исследования обусловлена: а) возросшим интересом современного российского общества к вопросам непрерывности культурно-исторического развития как народов нашей страны, так и всего мирового сообщества; б) возросшей долей изучения межлитературных общностей в постижении общего и особенного в национальных литературах; в) необходимостью ориентации современных исследователей, особенно молодых, к сознательному продолжению и развитию научных школ, проверенных временем и богатых плодотворными результатами. Оперативным поводом создания работы явился выход в свет очередного сборника статей о жизни и деятельности Г.Е. Верещагина.

Ключевые слова: поздний литературогенез; жанровый синкретизм творчества; диалог поколений исследователей.

1. Начиная с 1960-х гг., с таких исследователей, как П.К. Поздеев [1], П. Домокош [2, с. 180-184], А.Н. Уваров [3], все больше авторов включаются в процесс разгадки тайны феномена многогранной личности Григория Егоровича Верещагина (1851–1930), имя и слава которого, как звезда, взошедшая на небосклоне удмуртской культуры в конце XIX в., впоследствии, в угаре идеологического засилия в стране, с конца 1920-х гг. и далее, не только померкли, но и получили определенный запрет на упоминание. Шаг за шагом восходила титаническая фигура новатора традиционной культуры, представителя глубинного менталитета удмуртского народа, вызванного на арену истории обновляющими процессами времени. Раскрывалось значение его деяния в изучении этнографии [4], фольклора удмуртов [5], русских Вятско-Камского края [6], выискивались из архивных фондов и редких изданий, публикова-

лись, осмысливались его поэтические и научные труды [7]. Однако это были еще только подступы к исследованию огромного айсберга, лишь вершина которого пока виднелась из океана забвения.

Планомерная работа по освоению творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя началась в связи с подготовкой к 150-летию со дня его рождения, которое отмечалось в 2001 г. В большом проекте, принятом по этому поводу, центральное место занимали подготовка и издание монографии о жизни и деятельности Г.Е. Верещагина, а также Собрания сочинений этой выдающейся, многогранной личности. К настоящему времени Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН выпущено 11 книг с его научными трудами и литературно-художественными произведениями [8], значительная часть которых оставалась в необработанных

рукописях. Открылся путь более широкому кругу исследователей к освоению творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя. Собранные и осмысленные им в свое время материалы теперь оказываются включенными в состав исследуемых с новых точек зрения аспектов жизнедеятельности удмуртов и русских Вятско-Камского междуречья не только местными научными сотрудниками, но и видными отечественными учеными. Так, известный философ литературы, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, профессор Р.Ф. Юсуфов, не раз обращавшийся к трудам Г.Е. Верещагина в аспекте типологического изучения словесного искусства, определил точное место его творчества на карте истории всемирной литературы, назвав его характерной личностью, ярким представителем начального этапа письменного художественного слова народов с поздним литературогенезом, к каковым он относит, в частности, удмуртов, мари, мордву, коми, чувашей и некоторые народы Северного Кавказа: активное формирование их литературы началось лишь во второй половине XIX в., тогда как история всемирной литературы насчитывает уже тысячелетия [9–11].

Еще раньше, начиная с 1970-х гг., в контекст общепинноугорского словесного искусства и молодых литератур народов мира вводил творческое наследие Г.Е. Верещагина венгерский исследователь П. Домокош [12; 13].

Собрание сочинений Г.Е. Верещагина позволило широкому кругу исследователей, в основном молодых, начинающих активный путь научных поисков по разным направлениям его многогранных интересов (этнографии, фольклористики, педагогики), вступить в диалог со своим неординарным предшественником: обратиться к тем же или подобным явлениям культуры народов с точки зрения современных достижений науки. Свидетельством тому стали два сборника статей, посвященных памяти этой уникальной личности, выпущенные Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН [14; 15].

Авторы книг на примерах своих сегодняшних наблюдений по сути подтверждают вышеприведенный тезис Р.Ф. Юсуфова и разрабатывают их в соответствии с требованиями современной науки.

2. Материалы первой книги расположены по четырем разделам: «К вопросу о жизни и деятельности Г.Е. Верещагина»; «Проблемы этнокультурного развития народов Урало-Поволжья»; «Фольклор в истории культуры народа»; «Г.Е. Верещагин и вопросы языкознания»; «Вопросы развития литератур народов Урало-Поволжья». Приблизительно такой же круг вопросов охватывает и второй сборник.

С названием первой из книг («Г.И. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья») совпадает содержание доклада автора данных строк, прочитанного на республиканском торжественном собрании, посвященном 150-летию со дня рождения Г.Е. Верещагина в г. Ижевске, в котором рассматривается общее и особенное в творческих судьбах первого удмуртского ученого и писателя и подобных личностей в культуре других народов Урало-Поволжья: коми И.А. Куратова и К.Ф. Жакова, чувашей И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, мордвы М.Е. Евсевьева, С.Ф. Дорофеева, марийца С.Г. Чавайна, подтверждая типологически сходные черты становления национальных литератур региона [14, с. 14–18].

Исключительный интерес в первом сборнике представляет статья И.Н. Зайцевой «О родословной Г.Е. Верещагина, восстановленной по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики» [14 с. 33–37], снабженная родословным древом рода Верещагиных. Начинается оно с 1758 г., со времени бракосочетания крестьянина села Полом Глазовского уезда Вятской губернии Космы Осипова Верещагина (1727–1787) и Акилины Максимовны Косминой (1733–1811), дочери крестьянина того же села, и затем включает в себя, в частности, и годы жизни нашего героя Григория Егоровича, его девяти братьев и сестер от брака в 1836 г. Егора (Георгия) (1818–?) и его жены Евдокии Ивановны (1814–1889), а между этими событиями вмещает указания времен жизни еще двух поколений Верещагиных.

Интерес этот обостряется в связи с тем, что есть разного рода попытки подвергать сомнению удмуртское происхождение первого удмуртского писателя и ученого, основываясь, в частности, на том, что внучка его, Ольга Николаевна Верещагина, в 1990-е гг. вспоминала, что в их семье, словно легенда,

жило сознание того, что дед Григория Егоровича был французом, плененным во время войны 1812 г., сосланным на Вятку и женившимся на удмуртке [16]. Такие воспоминания действительно зафиксированы [17]. Однако в родословном древе, представленном И.Н. Зайцевой, основываясь на официальных документах, никакого француза нет и в помине. Во всяком случае, дедом Григория Егоровича по отцовской линии там обозначен Иван (1788–1847), крестьянин села Полом, а своего отца наш герой четко называет удмуртом из села Полом Верещагиным Егором (Георгием) Ивановичем [18], что соответствует и данным, представленным родословным древом Верещагиных. Несмотря на такие документальные свидетельства, некоторых «доброжелателей» Г.Е. Верещагина по какой-то причине до сих пор полемически остро волнует вопрос, почему этого выдающегося деятеля культуры Удмуртии называют удмуртом.

3. Во втором сборнике одно из центральных мест занимает дискуссия между автором данных строк (статья «Верещагин Григорий Егорович (1851–1930)» [15, с. 7-26] и доктором исторических наук Е.Ф. Шумиловым (статья «Г.Е. Верещагин как миссионер и бикультурал» [15, с. 38-51]. Первый из них, не раз обращавшийся к разным аспектам жизнедеятельности этой одаренной личности [19–23], в данной статье впервые пунктирно прослеживает весь путь его почти восьмидесятилетней жизни с ее радостями и печалью, обозначая роль его научной, педагогической и литературно-художественной деятельности в развитии культуры родного края. Второй из них, нередко полемизируя с первым и некоторыми другими авторами, на волне «воскрешения» Г.Е. Верещагина после долгих лет забвения, в 1960-е гг., допустившими отдельные перегибы в характеристике идейных позиций первого удмуртского ученого и писателя, сосредоточивает свое внимание на пасторской, миссионерской роли исследуемого деятеля, выделяя в его жизненном поведении некую противоречивость между поэтизацией духовной культуры удмуртов, с одной стороны, и неприятием языческого миропонимания их, с другой. Основной пафос этой статьи, характеризующий значимость личности Г.Е. Верещагина для своего времени, возможно выразить следующей фразой из нее: «Документы же доказывают, что именно в служении Богу (не науке, не народу и его культуре? – В. В.) был высший

смысл жизни и нравственный стержень деяний этого литератора и просветителя» [15, с. 38]. Еще раньше этот же автор утверждал, что главной должностью в жизни Г.Е. Верещагина является не учитель или еще какая-нибудь другая, а поп, и это слово будто бы расшифровывается как Пастор Овец Православных [24]. Материалы сборников еще раз свидетельствуют о неотступном стремлении данного автора к искусственному сужению поля деятельности этой выдающейся личности. Между тем известно, что уже на склоне своих дней Г.Е. Верещагин писал: «Пятьдесят лет своей жизни я отдал науке» [25]. Этнографы В.Е. Владыкин и А.Е. Загребин еще в первой из рассматриваемых нами книг справедливо утверждали: «Из верещагинских текстов берет свое начало удмуртская этнография, фольклористика, этнопсихология, литература, по сути дела, само профессиональное отношение к культуре своего народа». Далее добавляли: «И если Ломоносова называют русским университетом, Пушкин, как известно, – это «наше все», то Григория Егоровича Верещагина мы можем по праву назвать целым научно-исследовательским институтом удмуртского народа, и в этом его национальная и в то же время – интернациональная миссия» [14, с. 23].

Этим обусловлен и состав рассматриваемых сборников статей. В них возможно выделить несколько направлений диалога современных исследователей с Верещагиным. Многие авторы обращаются к его фольклорно-этнографическим и литературно-художественным синкретическим сочинениям как фактическому свидетельству о состоянии удмуртского общества на рубеже XIX–XX вв. Таковы, например, статьи «Труды Г.Е. Верещагина как источник по социально-возрастной стратификации удмуртского общества конца XIX – начала XX в.» Г.А. Никитиной [14, с. 65-71], «Труды Г.Е. Верещагина как источник этномузыкальных исследований» И.М. Нуриевой [14, с. 154-160], «Г.Е. Верещагин как информатор об археологических памятниках на территории Удмуртии» А.Г. Иванова [14, с. 44-47] в первой книге, «Удмуртская фразеология в пьесах Г.Е. Верещагина» А.В. Егорова [15, с. 52-58], «Свадебная терминология в трудах Г.Е. Верещагина» Т.В. Окуновой [15, с. 95-98], «Эпические сюжеты в трудах Г.Е. Верещагина» И.Ф. Тимирзяновой [15, с. 99-103] – во второй.

Из литературных произведений, к сожалению, только текст колыбельной песни «Чагыр-чагырдыдыке...» – «Сизый-сизый голубочек...» ученого и писателя на удмуртском языке и в его собственном переводе на русский язык подвергся в сборниках литературоведческому анализу. Оно рассмотрено в статье А.В. Камитовой лишь с точки зрения особенностей композиционного построения стихотворного текста [15, с. 90-94]. Между тем именно по этому стихотворению первого удмуртского писателя до сих пор не прекращается, на наш взгляд, видимость научных споров, анализ которых, из-за обилия деталей, нам придется отложить до следующей статьи.

4. Довольно поздно, лишь со времени издания Собрания сочинений Г.Е. Верещагина, началось исследование его лингвистического наследия. В первом из рассматриваемых нами сборников опубликована основательная статья В.К. Кельмакова «Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г.Е. Верещагина» [14, с. 24-34]. Во втором выделяется концептуальная работа Б.И. Каракулова «Г.Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка» [15, с. 66-72]. Они являются убедительным доказательством того, что раскрывается еще один важный пласт творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя.

Подобное продолжение в современных условиях исследовательских направлений, начатых Г.Е. Верещагиным, характерно и для ряда других авторов сборников. Такова, например, статья «Неочевидные очевидности» фольклорной коллекции Г.Е. Верещагина в современной исследовательской практике» Т.Г. Владыкиной. «Предметом нашего исследования является сфера магического знания, обнародованные ученым сведения о бытовании «института посвященных», на которые уже не раз ссылались удмуртские исследователи в работах о религиозно-мифологической основе традиционного мировоззрения и ее проявлениях в разных сферах жизни народа», – пишет она и сообщает, что они использованы и ею в работах о заговорно-защитной магии, о статусе знающего в удмуртской традиционной культуре, об особенностях коммуникативного поведения удмуртов» [15, с. 27]. Приступая к раскрытию сущности людей «знающих» и особенностей отражения ее в синкретических сочинениях

писателя и ученого, автор продолжает: «Благодаря свидетельствам Г.Е. Верещагина, можно говорить об основных чертах, которые характеризуют людей, владеющих тайным знанием (туно) и наделенных способностями предсказывать, гадать, лечить. Туно – главные приверженцы и хранители дохристианских верований, – продолжает исследователь. – По их ворожбе-рекомендации выбирали места жертвоприношений, жрецов главных общественных молений. Они являлись своеобразными организаторами социально-культурной иерархии в обществе, владели способами лечения, которые не знали врачующие естественными способами знахари. Туно хранили информацию об обретении тайного знания и играли роль основных наставников в межпоколенной трансляции сакральной информации» [15, с. 27]. При этом автор статьи обращается к корпусу прозаических произведений, опубликованных Г.Е. Верещагиным в качестве отдельных фольклорных образцов «и не интерпретированных даже им самим в его рассуждениях по поводу религии, обычаев и обрядов» [15, с. 30]. Приводя примеры из таких произведений ученого-писателя, как «Нищий-языковед», «Мужик-языковед», «Ученый сын», созданных по сведениям, полученным от информантов, и обрисовывающих реальную силу «знающих» людей (а знают они необходимый Язык, Слово. – В. В.), исследователь пишет: «Жанровая природа этих текстов довольно трудно определима: их нельзя отнести ни к сказкам, ни преданиям. Чаще всего это констатация фактов верований в рамках бытового рассказа, включающего черты мифологических или легендарных преданий с тенденцией превращения в авантюрно-бытовую сказку» [15, с. 30]. Это также диалог – современного исследователя с основоположником удмуртской литературы, фольклористики и этнографии. Теперь уже на конкретных примерах продемонстрировано, что такие синкретические тексты Г.Е. Верещагина явились основой формирования прозаических жанров удмуртской литературы [21, с. 141-143].

5. Исследовательские интересы Г.Е. Верещагина простирались на материальную и духовную культуру не только удмуртов, но и русского населения края. Этот аспект творческого наследия также нашел отклик в сборниках. Опубликованы, например, такие

статьи, как «Внутрижанровое многообразие и традиционность русской народной песни по записям Г.Е. Верещагина» Э.А. Тамаркиной [14, с. 139-145], «Наследие Г.Е. Верещагина как источник исследований локальной сказочной традиции» Т.А. Шуклиной [14, с. 137-138], «К проблеме жанровой классификации несказочной прозы в трудах Г.Е. Верещагина» Ю.В. Приказчиковой [14, с. 117-122].

Достаточно внимания уделено русскоязычному литературному творчеству Г.Е. Верещагина в статьях «Поэтическая диалогия Г.Е. Верещагина на русском языке как выдающееся явление удмуртской литературы» автора данных строк, где речь идет о поэмах «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей» [14, с. 227-231], «К вопросу о художественном методе в русскоязычных поэмах Г.Е. Верещагина» Л.А. Богдановой [14, с. 231-239], «Элементы музыки в русскоязычных поэмах Г.Е. Верещагина» Е.Г. Красновской [14, с. 240-250]. Глазами текстолога рассмотрено литературное творчество Г.Е. Верещагина, сохранившееся в рукописном фонде Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Т.С. Степановой-Зыкиной [14, с. 251-254].

Вызывает уважение обращение исследователей с запредельных с Удмуртией территорий к творческому наследию Г.Е. Верещагина. Таковы статьи «Свадебный обряд и его трансформация в удмуртском анклав (д. Светозарево Кировской области)» В.М. Кожина (г. Киров) [14, с. 123-127], «Из истории развития коми-пермяцкой ономастики» О.П. Аксеновой (г. Сыктывкар) [14, с. 181-183], «Репрезентация концепта «счастье» в неродственных языках (на материале татарского и удмуртского языков)» Ф.И. Тагировой (г. Казань) [15, с. 184-188] и др.

Таким образом, в книгах раскрылось широкое проблемно-тематическое и междисциплинарное поле научного и литературно-творческого наследия Г.Е. Верещагина, оказывающего мобилизующее влияние на современных исследователей. Изучение жизни и творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя актуально поныне. Это обуславливает необходимость в научной принципиальности как в рамках самого верещагиноведения, так и зарождения и развития всей национальной литературы. Важной остается проблема рассмотрения жизни и творчества этой выдающейся личности в аспекте сравнительно-типологического изуче-

ния явлений национальных литератур России, и особенно – мировой компаративистики.

1. *Верещагин Г.Е.* Чагыр, чагырдыдыке... (Сизый, сизый голубочек...): стихотворения и поэмы / сост. и автор предисловия П.К. Поздеев, автор послесловия И.П. Тукаев. Ижевск, 1984. На удм. яз.
2. *Домокош П.* Г.Е. Верещагин // Домокош П. История удмуртской литературы: монография / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993. С. 180-184.
3. *Уваров А.Н.* Г.Е. Верещагин за рубежом // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора: сборник статей / отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 1978. С. 125-129.
4. *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984. С. 33-38.
5. *Владыкина Т.Г.* «Чагыр, чагырдыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Доктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: сборник статей / сост. и отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 1991. С. 135-141.
6. *Тамаркина Э.А.* О русском фольклоре в Удмуртии (по записям Г.Е. Верещагина в Сарапульском уезде Вятской губернии) // Вопросы русской и удмуртской литературы: история и методика преподавания. Ижевск, 1967. С. 142-155.
7. *Уваров А.Н.* К публикации поэмы Г.Е. Верещагина «Скоробогат-Кашей» // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора: сборник статей / отв. ред. Т.Г. Перевозчикова. Ижевск, 1983. С. 97-99.
8. *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.М. Ванюшева. Т. 1: Вотяки Соновского края / отв. за вып. Г.А. Никитина. Ижевск, 1995; Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за вып. Л.С. Христолюбова. Ижевск, 1996; Т. 3. Кн. 1: Этнографические очерки / отв. за вып. Г.К. Шкляев. Ижевск, 1998; Т. 3. Кн. 2. Вып. 1: Этнографические очерки / отв. за вып. Г.К. Шкляев. Ижевск, 2000; Т. 3. Кн. 2. Вып. 2: Очерки русских Вятско-Прикамского края / отв. за вып. Г.К. Шкляев. Ижевск, 2001; Т. 4. Кн. 1: Удмуртский фольклор / отв. за вып. Т.Г. Владыкина. Ижевск, 2001; Т. 4. Кн. 2: Русский фольклор / отв. за вып. Т.Г. Владыкина. Ижевск, 2002; Т. 5: Литературные сочинения / отв. за вып. В.М. Ванюшев и Т.С. Зыкина. Ижевск, 2004. На удм., рус. яз.; Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / отв. за вып. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2002; Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь / отв. за

- вып. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006; Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь / отв. за вып. Л.М. Ившин. Ижевск, 2011.
9. Юсуфов Р.Ф. Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. М., 1985.
 10. Юсуфов Р.Ф. Просветитель. Г.Е. Верещагин на культурологической карте России // Удмуртская правда. 1996. 10 октября.
 11. Юсуфов Р.Ф. История литературы в культуро-философском освещении. М., 2005.
 12. Domokos P. Az udmurt irodalom története. Budapest, 1975.
 13. Domokos P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985.
 14. Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сборник статей / сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина, отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. На удм., рус. яз.
 15. Г.Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. статей / сост. и отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2014. На удм., рус. яз.
 16. Шумилов Е.Ф. Г.Е. Верещагин как миссионер и бикультурал // Г.Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2014. С. 38-51.
 17. Ванюшев В.М. Дедушка и его родные // Ин-вожо. 1993. № 11. С. 47-53. На удм. яз.
 18. Верещагин Г.Е. Моя биография // РФ УИИЯЛ (Удмуртский институт истории, языка и литературы) УрО РАН. Оп. 3. Д. 253. Л. 435.
 19. Ванюшев В.М. Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1995.
 20. Ванюшев В.М. Поэтическая диалогия Г.Е. Верещагина. Ижевск, 2002.
 21. Ванюшев В.М. Художественные и нравственно-философские искания в русскоязычных поэмах Г.Е. Верещагина // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2007. Вып. 3. Т. 2. С. 233-241.
 22. Ванюшев В.М. Формирование прозаических жанров удмуртской литературы в этнографических трудах Г.Е. Верещагина // Духовная культура финно-угорских народов России: сборник статей. Сыктывкар, 2007. С. 141-143.
 23. Ванюшев В.М. Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г.Е. Верещагина: к вопросу о зарождении национальной литературы // Литература Урала: история и современность. Вып. 6. Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург, 2011. С. 89-96.
 24. Шумилов Е.Ф. Пастор Овец Православных // Известия Удмуртской Республики. 1992. 2 апреля.
 25. Владыкин В.Е., Христоролюбова Л.С. Пятьдесят лет своей жизни я отдал науке // Молот. 1981. № 10. С. 53-54. На удм. яз.
-
1. Vereshchagin G.E. Chagyr, chagyrdydyke... (Sizyy, sizyy golubochek...): stikhotvoreniya i poemyy / sost. i avtor predisloviya P.K. Pozdeev, avtor poslesloviya I.P. Tukaev. Izhevsk, 1984. Na udm. yaz.
 2. Domokosh P. G.E. Vereshchagin // Domokosh P. Istoriya udmurtskoy literatury: monografiya / per. s veng. V. Vasovchik. Izhevsk, 1993. S. 180-184.
 3. Uvarov A.N. G.E. Vereshchagin za rubezhom // Vnutrennie i mezhnatsional'nye svyazi udmurtskoy literatury i fol'klora: sbornik statey / отв. ред. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 1978. S. 125-129.
 4. Vladykin V.E., Khristolyubova L.S. Istoriya etnografii udmurtov: Kratkiy istoriograficheskiy ocherk s bibliografiyey. Izhevsk, 1984. S. 33-38.
 5. Vladykina T.G. "Chagyr, chagyrdydyke...": opyt fol'kloristicheskogo prochteniya // Dooktyabr'skie istoki mezhliteraturnoy obshchnosti Uralo-Povolzh'ya: sbornik statey / sost. i отв. ред. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 1991. S. 135-141.
 6. Tamarkina E.A. O russkom fol'klore v Udmurtii (po zapisyam G.E. Vereshchagina v Sarapul'skom uezde Vyatskoy gubernii) // Voprosy russkoy i udmurtskoy literatury: istoriya i metodika prepodavaniya. Izhevsk, 1967. S. 142-155.
 7. Uvarov A.N. K publikatsii poemyy G.E. Vereshchagina "Skorobogat-Kashchey" // Voprosy svoeobraziya zhanrov udmurtskoy literatury i fol'klora: sbornik statey / отв. ред. T.G. Perezochikova. Izhevsk, 1983. S. 97-99.
 8. Vereshchagin G.E. Sobranie sochineniy: v 6 t. / pod red. V.M. Vanyusheva. T. 1: Votyaki Sosnovskogo kraya / отв. за вып. G.A. Nikitina. Izhevsk, 1995; T. 2: Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii / отв. за вып. L.S. Khristolyubova. Izhevsk, 1996; T. 3. Kn. 1: Etnograficheskie ocherki / отв. за вып. G.K. Shklyayev. Izhevsk, 1998; T. 3. Kn. 2. Vyp. 1: Etnograficheskie ocherki / отв. за вып. G.K. Shklyayev. Izhevsk, 2000; T. 3. Kn. 2. Vyp. 2: Ocherki russkikh Vyatsko-Prikamskogo kraya / отв. за вып. G.K. Shklyayev. Izhevsk, 2001; T. 4. Kn. 1: Udmurtskiy fol'klor / отв. за вып. T.G. Vladykina. Izhevsk, 2001; T. 4. Kn. 2: Russkiy fol'klor / отв. за вып. T.G. Vladykina. Izhevsk, 2002; T. 5: Litera-turnye sochineniya / отв. за вып. V.M. Vanyu-shev i T.S. Zykina. Izhevsk, 2004. Na udm., rus. yaz.; T. 6. Kn. 1: Trudy po yazykoznaniyu / отв. за вып. L.E. Kirillova. Izhevsk, 2002; T. 6. Kn. 2: Votsko-russkiy slovar' / отв. за вып. L.M. Ivshin.

- Izhevsk, 2006; T. 6. Kn. 3: Votsko-russkiy slovar' / otv. za vyp. L.M. Ivshin. Izhevsk, 2011.
9. *Yusufov R.F.* Obshchnost' literaturnogo razvitiya narodov SSSR v dooktyabr'skiy period. M., 1985.
 10. *Yusufov R.F.* Prosvetitel'. G.E. Vereshchagin na kul'turologicheskoy karte Rossii // Udmurtskaya pravda. 1996. 10 oktyabrya.
 11. *Yusufov R.F.* Istoriya literatury v kul'turofilosofskom osveshchenii. M., 2005.
 12. *Domokos P.* Az udmurt irodalom története. Budapest, 1975.
 13. *Domokos P.* A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985.
 14. G.E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ya: sbornik statey / sost. V.M. Vanyushev, T.S. Zykina, otv. red. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 2004. Na udm., rus. yaz.
 15. G.E. Vereshchagin, traditsionnaya kul'tura i prosvetitel'stvo narodov Uralo-Povolzh'ya: sb. statey / sost. i otv. red. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 2014. Na udm., rus. yaz.
 16. *Shumilov E.F.* G.E. Vereshchagin kak missioner i bikul'tural // G.E. Vereshchagin, traditsionnaya kul'tura i prosvetitel'stvo narodov Uralo-Povolzh'ya. Izhevsk, 2014. S. 38-51.
 17. *Vanyushev V.M.* Dedushka i ego rodney // Invozho. 1993. № 11. S. 47-53. Na udm. yaz.
 18. *Vereshchagin G.E.* Moya biografiya // RF UIIY-aL (Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury) UrO RAN. Op. 3. D. 253. L. 435.
 19. *Vanyushev V.M.* Tvorcheskoe nasledie G.E. Vereshchagina v kontekste natsional'nykh literatur Uralo-Povolzh'ya / Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN. Izhevsk, 1995.
 20. *Vanyushev V.M.* Poeticheskaya dilogiya G.E. Vereshchagina. Izhevsk, 2002.
 21. *Vanyushev V.M.* Khudozhestvennye i nravstvenno-filosofskie iskaniya v russkoyazychnykh poemakh G.E. Vereshchagina // Literatura Urala: istoriya i sovremennost'. Ekaterinburg, 2007. Vyp. 3. T. 2. S. 233-241.
 22. *Vanyushev V.M.* Formirovanie prozaicheskikh zhanrov udmurtskoy literatury v etnograficheskikh trudakh G.E. Vereshchagina // Dukhovnaya kul'tura finno-ugorskikh narodov Rossii: sbornik statey. Syktyvkar, 2007. S. 141-143.
 23. *Vanyushev V.M.* Ob"ektno-sub"ektnaya organizatsiya etnograficheskikh ocherkov i informanty G.E. Vereshchagina: k voprosu o zarozhdenii natsional'noy literatury // Literatura Urala: istoriya i sovremennost'. Vyp. 6. Istoriko-kul'turnyy landshaft Urala: literatura, etnos, vlast'. Ekaterinburg, 2011. S. 89-96.
 24. *Shumilov E.F.* Pastor Ovets Pravoslavnykh // Izvestiya Udmurtskoy Respubliki. 1992. 2 aprelya.
 25. *Vladykin V.E., Khristolyubova L.S.* Pyat'desyat let svoey zhizni ya otdal nauke // Molot. 1981. № 10. S. 53-54. Na udm. yaz.

Поступила в редакцию 11.11.2014 г.

UDC 821.511.131-83

REPRESENTATIVE OF THE LATE LITERARY GENESIS OR DIALOGUE WITH THE FIRST UDMURT SCIENTIST AND WRITER

Vasilij Mihajlovich VANYUSHEV, The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, Doctor of Philology, Main Scientific Cooperator of Philological Research Department, e-mail: vvanushev@mail.ru

In a brief survey form the triple problem is considered, concerning questions, firstly, of the course of life, diversity and artistic and scientific syncretism of creative heritage of the first Udmurt scholar and writer Grigorij Egorovich Vereshchagin (1851–1930), typical for other founders of the national literatures of the Ural-Volga region, and secondly, the correlation of artistic creativity of this person with the history of world literature, thirdly, – stimulating role of the diverse activities of the first Udmurt scientist for modern researchers, conversing with him in scientific dialogue. Difficult path of development of Vereshchagin Studies, obtaining diversified and widespread character is analyzed. The idea that separates discussions occurred over the life of the first Udmurt scholar and writer, helped to specify and establish in the public mind the important facts and understanding of gist of phenomena as in aspects of life of G.E. Vereshchagin, so in the history of national literature is justified. It is proved that the ongoing polemic persistence of some authors about ethnic roots, “main post” of Vereshchagin and attachment to his pen of poems “Chagyur chagyurdike” – “Dove-colored pigeon” is untenable. The support of the dialog of modern researchers and G.E. Vereshchagin is productive. Thus, the study of the life and creative heritage of the first Udmurt scholar and writer is relevant today as in the framework of the origin and development of the national literature, so in the aspect of the world of comparative linguistics. Actuality is determined: a) the growing interest of modern Russian society to the questions of continuity cultural-historic development both of the people of our country and the world society, b) growing share of investigating of inter-literal community in reaching global and special in national literatures, c) need of orientation of modern investigators, especially young, to the conscious continuation and development of scientific schools checked by time and rich by productive results. Operational occasion for creating of work became the release of the next collection of articles about the life and activities of G.E. Vereshchagin.

Key words: late literary genesis; genre syncretism of creativity; dialogue of generations.